

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Замковый остров. Свеи идут!

Они пришли за три недели до Йюля. Аккурат с началом календарной зимы. Пришли, чтобы нас уничтожить.

Нельзя сказать, что я их не ждал. Ждать неприятностей от соседей — это нормально для любого ярла. Тем более такого, как я. То есть получившего землю и подданных не в наследство или в подарок, а заплатившего за ярлство, как здесь говорят, железную цену. То есть волшебной силой оружия превратившего чужое в свое. Собственно, все, что было у меня, Ульфа Хвити, которого не так давно звали Ульфом Черноголовым, а еще раньше, в прошлой, считай, жизни, — Николаем Григорьевичем Переляком, все, что я нажил и чего достиг, все это я добыл с помощью доброго клинка франкской работы по имени Вдоводел. Ну и благодаря моему умению им пользоваться. Хотя и возможности моего интеллекта отрицать не стану. Того самого, который нынче дал сбой и уверил меня, что в ближайшее время опасности не предвидится. Враг придет, это понятно. Не тот человек шведский король, а по-здешнему — свейский конунг Бьёрн, чтобы еще разок не попытаться вернуть кирьяльскую провинцию. Конечно, свеи придут. Потом. Когда-нибудь. Весной. И не ранней, а ближе к лету. Когда сойдет лед, дороги подсохнут и откроется новый сезон морских и сухопутных походов.

Но уж точно не в канун Зимнего Солнцеворота, когда мои скандинавские соратники и вся прочая общественность активно готовятся к грядущему празднику, радуются хорошему и мечтают о лучшем. Радовался жизни и я, их ярл по законному праву. Ну да, разве право силы — это не главный здешний закон? Охота, подводная рыбалка, мужские игры на свежем воздухе...

Что еще надо человеку, чтобы чувствовать величие бытия?

Любимая женщина? Так у меня их имелось сразу две, причем одна, юная и пылкая, — непосредственно под боком.

Верные друзья? Да у меня, считай, целый хирд верных друзей!

Благосостояние? Ну так я оч-чень богатенький Буратино по здешним меркам.

Короче, у меня было все, что требовалось для счастья. И я был счастлив ровно до того момента, когда мой дренг Тулб Огонёк не открыл предо мной нерадужную перспективу:

— Сvei идут!

Ворвавшийся среди ночи в мой закуток молодой варяг был настолько возбужден, что даже на прелести Зари свет Труворовны не глянул.

— Сколько? Как далеко? — Я уже был на ногах и искал глазами портки. О, нашел!

— Много! В трех переходах!

Рубаха, штаны меховые (чай, не лето), носки, сапожки...

— Кто весть принес?

— Артельщики кирьяльские! Со всех ног бежали!

Могу поверить. С кирьялами у меня дружба, переходящая в восхищение. Дани я с них не беру. Все честно покупаю, пусть и по сильно заниженным ценам. И товарами

нужными снабжаю. По ценам сильно завышенным. Но это если считать по свободно-рыночным меркам. А поскольку до ближайшего свободного рынка — километров двести, да и там обобрать неопытного человека могут ну совершенно запросто, то получается, что цены мои — очень даже справедливые. И демократичные. Даже самый дикий лесовик получает топор по той же цене, что и житель поселка. Три пачки элитных шкур — и топор твой. Ну да, где-нибудь в Европе за каждую из шкур дадут дюжину таких топоров, но у нас же не Европа, верно?

Зато я их не граблю. И девок кирьяльских не порчу. Ни я, ни люди мои. А если по взаимному согласию, так это ведь совсем другое дело. И в этом мое существенное преимущество перед свеями, которые и грабят, и насилуют, и живьем жгут, если решат преподать урок покорности. И перспектива получить подобный урок превращает кирьяльских лесовиков в моих преданных союзников. Что очень кстати, учитывая мой малочисленный гарнизон.

— Поднимай наших, — скомандовал я Тулбу. — Всех. И сюда, ко мне. И успокойся. Мы свеев били, бьем и будем бить!

Только так. Командир должен вселять уверенность в сердца подчиненных. Даже если у самого ее нет.

Уверенности нет. Но есть надежда. Что-то мне подсказывает, что сейчас именно тот момент, когда пушистый пипка уже дышит в затылок. Следовательно, вероятность благорасположения госпожи Удачи максимальная.

После того как Свартхёвди Медвежонок отплыл домой, в моем распоряжении осталась весьма скромная команда. Если бы не перешедшие ко мне бойцы из бывшего хирда Ульфхама Трески, ситуация была бы вообще грустной. Даже приличный строй не собрать.

Но с этой шестеркой стало повеселее. Трое — дренги из разных областей Скандинавии: рыжий Мёрд Красная Шапочка, Лут Ручища и Сёльви Краденая Лепёшка. Все с неплохой начальной подготовкой и перспективой вырасти в настоящих бойцов. Если выживут, понятное дело. Остальные из тех, что уже выросли. Ко мне присоединились трое матерых вояк, каждый из которых украсил бы хирд любого успешного конунга. Так что я был польщен тем, что эта тройка выбрала меня.

Первым из них был мой старый знакомец Витмид, переметнувшийся еще до того, как Заря развалила голову его непосредственному начальству.

Вторым — хитромудрый, чернявый, как и я, дан Вифиль по прозвищу Прощай. Была, как мне сказали, у него такая привычка: напутствовать этим словом своих оппонентов перед тем, как прикончить.

А третьим, к моему немалому удивлению, оказался Оспак Парус.

У меня были сомнения: стоит ли вообще его брать? Опасался, что лучший друг убитого Трески хочет отомстить за его смерть, потому ко мне и просится. Но Медвежонок убедил меня, что все чисто. Оспак еще простодушной моего давнего друга здоровяка Стюмира. Ульфхам шел за Рюриком-Хрёреком, Оспак шел за Ульфхамом. А теперь он — мой.

— Не сомневайся, брат! Парус теперь наш! — заверил меня Свартхёвди.

Мнению моего побратима я доверял. И Оспак стал нашим. Завидное приобретение. В бою Оспак стоил минимум двоих. И места в строю занимал столько же.

Медвежонок хотел забрать Оспака с собой, но я воспротивился. Хватит того, что он увел от меня всех воряжат, исключая Тулба Огонька, прикипевшего к Буре.

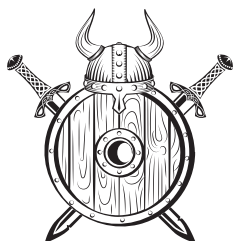

Варяжата, кстати, переметнулись ко мне прямо из-под крыла Трувора.

И он это принял. Знал, что должен. Ведь именно на него Ульфхам намеревался свалить убийство меня и его дочери. План Трески провалился — и Трувор сохранил честь. И жизнь, потому что Медвежонок в запале его бы точно прикончил. Жнец, конечно, крут, но последствие дряни, которую ему подсыпал в пиво Ульфхам, сделало его нукудышным бойцом минимум на сутки...

В общем, мы с Трувором не то чтобы помирились, но отношения стали скорее нейтральными. Более того, он фактически дал добро на наш будущий брак с Зарёй. И она осталась со мной. Но, скорее всего, просто потому, что у Трувора не было физической возможности забрать ее с собой. После устроенного Ульфхамом покушения среди воинов Рюрика, посланных по мою душу, царил полный раздраз. И даже у собственных бойцов он не нашел бы поддержки. Да какая поддержка! Трувор Перуном клялся, что ни мне, ни кому-либо из моих не причинят вреда, если я впущу их в крепость. И вот тебе, дедушка, сковородкой по щам!

В целом очень удачно получилось. Не думаю, что Рюрик еще раз попробует меня прищучить. Ну и хорошо. Мне, собственно, и свеев более чем достаточно для остроты ощущений. Вот что им до весны не сиделось!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой становится понятно, что расклад
не просто хреновый, а намного хуже

— Надо уходить!

Эту невеселую мысль первым высказал Витмид.

Мол, шансов у нас никаких. Совсем. Да и умирать особо не за что. Дикий край. Дикие земли. Добро бы — тыща гектар плодородной пашни, тогда другое дело. А тут... Этаких чащоб на здешней земле больше, чем воды в море.

Мы собрались в большом зале длинного дома, способного вместить две сотни пирующих. Здесь особенно хорошо было видно, как нас мало.

Плодородные пашни... Ну-ну. Мне их тоже когда-то предлагали. Ивар Бескостный. Причем вместе с работниками. Правда, не сразу, а в перспективе. Не очень отдаленной. Сразу после завоевания Англии. Может, и впрямь ну ее на фиг, эту Кирьяльщину? Когда еще она станет частью Ленинградской области? Опять-таки по-английски я говорю значительно лучше, чем по-кирьяльски.

«Уходить!» — настаивал Витмид. Никто не возражал. Мои хускарлы: Гуннар Гагара, Стюрмир, Бури, Оспак Парус, Виги-Вихорёк, Тьёдар Певец, Кэль Длинный, братья Крумисоны, Витмид и Вифиль Прощай, — молча глядели на меня. Так же, как и присутствующие здесь Заря и отец

Бернар. Никто не спешил оспаривать предложение Витмида, даже мой сын Вихорёк.

Две сотни свеев. Полный хирд, причем большой хирд. Этого хватит на команды для четырех драккаров. Полностью укомплектованные команды.

Две сотни свеев, а нас и двух десятков не наберется.

Поэтому мы должны уйти в изгнание, в заснеженные зимние леса, ночевать в сырых землянках и питаться всякой дрянью, в то время как победители будут наслаждаться теплом и уютом, пить наше пиво, лопать наши припасы и валять на наших постелях наших женщин... Очень, очень не хочется такого исхода. Да, эта мысль отчетливо читалась в глазах моих людей. Однако какая альтернатива? Стать кормом для воронов?

Что бы сказал сейчас мой брат Медвежонок?

Да он, собственно, уже высказался по данному поводу. Лучше умереть ярлом, чем сдохнуть бродягой. У меня другое мнение. Я предпочту ярлом — жить. И на этой горке для меня свет клином не сошелся. Потому в тот, прошлый, раз я сумел его переубедить. Но тогда судоходство еще не закрылось и мы могли уйти на кораблях, прихватив большую часть добычи. Сейчас же «Северный Змей», законсервированный на зиму, ждет в уютном сарае следующего сезона... И если мы свалим, то он тоже достанется победителям.

Мой драккар! Свеям! Не хочу! Не позволю!

Однако две сотни — это две сотни. Они вынесут нас из крепости вместе со стенами, если потребуется. Ну вот же... ситуация!

А я так надеялся, что до весны нас никто не тронет! А весной подтянется Медвежонок с командой, может, и наш новый союзник Ольбард Синеус тоже подкинёт людей...

Я надеялся.

Не сбылось.

— Они нас не оставят, — затянувшееся молчание нарушил Кёль Длинный. — Если мы уйдем отсюда, они будут нас искать, пока не найдут, ярл! — мрачно заявил он.

Черт! А ведь он прав, этот двухметровый сутулый похититель чужих невест. Мы очень сильно обидели их конунга. И, заняв крепость, они точно не успокоятся. Начнут прочесывать леса сами и при помощи кирьялов, которые пока что за нас, но когда мы сбежим, вряд ли станут противодействовать своим прежним хозяевам, зная, как те жестоки к непокорным.

Бодрости реплика Длинного нам не прибавила.

Перспектива зимовать в лесу сама по себе не радует, а если тебя при этом будут гонять, как лису охотничья свора...

И на две сотни кэмэ вокруг никого, кто мог бы предоставить нам кров, не говоря уже о силовой поддержке. В общем, засада.

Я посмотрел на Бури. Азиат, пожалуй, самый уважаемый мною человек в нашей команде.

Бури спокойно выдержал мой взгляд. Потом достал из сумки полоску вяленого мяса и принялся не спеша жевать. Демонстративно. И все перестали глядеть на меня как на волшебника, который должен достать из шляпы наше спасение. Все уставились на плосковатую смуглую физиономию снайпера-стрелка. А тот прожевал не спеша, обтер ладони о штаны и произнес негромко, ни к кому вроде бы не обращаясь:

— Две сотни, значит... Семь-восемь колчанов... Так, Виги?

Мой приемный сын буквально расцвел.

Новые правила счета так и сияли в его глазах. Не двести вражеских воинов, а двести метких выстрелов. Он на тренировке делает больше.

Правда, остальные хускарлы его оптимизма не разделяли, однако и они взбодрились. После реплики Длинного стало ясно: никуда мы не побежим. Потому что догонят. Значит, придется драться. Смерть в бою — это лучше, чем умереть затравленной лисой. В Валхаллу берут воинов, а не зайцев.

Но драться без шанса на победу... Как-то не очень.

Бури молодец. Напомнил: шанс есть всегда. Не в первый раз мне принимать бой при таком скверном раскладе. И я все еще жив. И, как уже не раз отмечено, удачлив. Причем удача моя такого сорта, что подключается только при самом скверном обороте событий. Вернее, до сих пор было так, а что в будущем — неизвестно.

Однако пассивно ждать, пока нагрянут вороги, и мужественно взойти на крепостные стены — не мой вариант. Госпожа Удача приходит к тем, кто не стоит на месте. Так что ждать мы не будем. Будем действовать. Предложим что-нибудь остренькое нашим незваным гостям. Что-нибудь вроде стрелы в горлышко.

Но для начала поговорим с очевидцами.

— Виги, позови-ка сюда кирьялов, что принесли весть.

К сожалению, ничего позитивного кирьяльские охотники не сообщили. Наткнулись они на свеев случайно, однако заметили вовремя, потому что те, собственно, и не скрывались, шли без опаски. Шли на лыжах и волокли с собой санки с припасами. Вооружены справно. Мечи у многих, если не у всех, меч же — характерный признак воина-профессионала.

Развеели кирьялы и мою надежду на то, что у страха глаза велики. «Две сотни» возникли не с потолка. Охотники

не поленились: посчитали рейдеров. В палочках. Две длинных, две средних и одна короткая. Двести двадцать один боец. Шли swei без спешки, но и не медлили. Охотники прикинули их скорость, сопоставили с собственной и с пройденным расстоянием и сделали вывод, что опередили врагов примерно на трое суток. Я, однако, полагал, что можно смело прибавить еще день, потому что на подходе swei наверняка притормозят: озаботятся разведкой.

А наша задача — притормозить их еще больше. И превратить беспечную прогулку по зимнему лесу в нечто совсем противоположное.

Кирьялов я наградил и отослал, предупредив, чтоб не уходили и не напивались. Они мне еще понадобятся.

Затем собрал свой хирд уже целиком, включая весян, которых за последние месяцы Бури удалось прилично подтянуть в стрелковом искусстве.

— Что к нам идут swei, вы уже знаете, — сообщил я рассевшемуся на лавках хирду. — Их много, и мне это не нравится. Потому я хочу сделать так, чтобы часть из них до нас не дошла. Для этого нам понадобится человек пять лучших стрелков и два-три хускарла в прикрытие. Обязательное условие: все должны отменно ходить на лыжах. Бури, твое слово!

— Стрелки: Виги, Огонёк, Лосёнок, Комар, Сорока! — не колеблясь выбрал Бури.

Себя он в список не включил, поскольку лыжник из него еще хуже, чем из меня.

— Я тоже на лыжах хорошо бегаю! — немедленно заявила Заря, но я ее возглас проигнорировал.

В Вихорьке и Тулбе я не сомневался, а вот трое весян...

Лосёнок и Комар — братья. Их Бури выделил с самого начала. А вот Сорока... Нет, хоть он и Сорока, но смотрит соколом. Польщен, что наставник определил его в лучшие.

— Добро. С ними пойдут Гуннар, Оспак и Сёльви. Старшим — Гуннар.

Эх, как хотелось самому... Но здесь я со своим тамошним лыжным разрядом — натуральный тормоз.

— Заставьте их понервничать. Убейте, сколько сможете, но при этом — зря не рисковать. И еще: Гуннар, будет славно, если они останутся без припасов.

Зима на дворе. И в лесу — тоже. Охотиться зимой труднее, а вот кушать надо хорошо. Потому что холодно.

— Постарайтесь вернуться в том же составе, что и ушли.

Все.

Вопросов никто не задавал. Новоиспеченные рейнджеры отправились собираться, а я позвонил Повторюху, дренга из весян, и велел смотаться в селение и привести сюда старосту из поселка. Пора выяснить, могу ли я рассчитывать на серьезную поддержку местного населения. Склонен думать, что при желании аборигены способны выставить нам в поддержку не меньше чем полтысячи ополченцев. Понятно, что бросать их в рукопашную на свеев — все равно что кусок мяса отправить в мясорубку. Даже дистанционно они вряд ли нанесут значимый ущерб бронированным хирдманам. Но летучие партизанские отряды могут изрядно снизить свеям уровень комфорта.

Староста примчался задолго до полудня. Он уже был в курсе главной новости и здорово переживал.

В прошлый раз свеи обошлись с ними беспощадно. Едва сойдя на берег, тут же принялись хватать и вязать. Собственно, лишь благодаря свейской торопливости староста и выжил. И он, и большая часть его родовичей. Даже скот в лес угнать успели, пока свеи грабили дома побогаче и сторожевой пост. К сожалению, грабежом свеи не огра-

ничились. Сожгли несколько домов. Но и это ладно. Но то, как они обошлись с пленными...

Через день после того, как Ульфхам Треска едва нас не убил, я оставил гостей и сплавал к селению.

И так вышло, что опередил спасшихся кирьялов. Они появились позже, когда мы уже собрали убитых. Собрали по частям и начали обкладывать дровами.

В общем, на тризне, которую справляли вечером, я попросил Трувора уступить мне единственного уцелевшего свейского хольда. Жнец как-то почувствовал, что для меня это важно, — и отдал мне священный поединок.

— Зачем? — спросил я его перед тем, как убить.

— Когда овца отказывается давать шерсть, с нее сдирают шкуру, — ответил свей. Белокурый красавец с мужественным профилем. Он почти не пострадал в бою. Сначала шлем сорвало, потом прилетело чем-то тупым по затылку.

Меня он всерьез не воспринял. Браслеты я снял, цепь тоже. И никто не сказал ему, что я и есть тот самый ярл, который захватил их территорию.

— Они-то при чем? — спросил я.

— Забыли, кто их хозяин. Теперь запомнят. Жаль, много их сбежало.

— А вот ты не сбежишь, — пообещал я. — Ты получишь то же, что и они, а потом отправишься напрямиком к Хель, а мясо твоё сожрут раки.

— Я умру в бою! И уж точно не от твоей руки, мелкий! — самонадеянно заявил хольд. — Хорошо, что вы, воры из Гардарики, такие дураки. Попадись ты мне в руки, ты умирал бы долго!

— Вообще-то я не из Гардарики, — сказал я. — Я из Сёлунда. Я бы отрубил тебе большие пальцы, чтобы те, кто

пирует в чертогах Одина, знали, что ты не достоин зваться свободным человеком. Но думаю, что быть рабом в Валхалле все же лучше, чем в Хельхейме.

— Твоя болтовня утомляет, мелкий, — заявил свей и атаковал. Но дрался он плохо. Для хольда. Наверное, после удара по голове он был не в лучшей форме. Мне было нетрудно выполнить свое обещание. Я не стал сдирать с него кожу. Я не умею, да и противно мне делать такое. Но я отрубил ему руки и ступни, а потом схватил за шкирку и утопил в заливе. Труп утопил, потому что он истек кровью раньше, чем захлебнулся.

По правилам свей должен был лечь в ногах уходящих в Ирий варягов, но Трувор не стал меня упрекать. По моему, он сделал из моего поступка какие-то собственные выводы и, похоже, уважения ко мне у него прибавилось. И не только у него.

К зиме поселок отстроился и выглядел даже лучше, чем прежде. Убитых, понятно, не воскресишь, но жизнь продолжалась, и ко мне хитрован староста относился теперь прям как к отцу родному.

А я-то в свое время раздумывал, как бы его к нам привязать: силой, хитростью, подкупом... И вот.

— Будь здрав, Сохрой! — поприветствовал я старосту.

Тот в ответ одарил меня земным поклоном:

— И тебе здравствовать, господин!

По-скандинавски староста болтал свободно.

Мы сели за стол. Я вел себя демократично, но староста сам держал дистанцию. И первым делом поинтересовался, какие у нас планы в связи с надвигающейся бедой.

— Мы не уйдем, — веско ответил я. — Это не первые swei, которых мы будем бить. И не последние, к сожалению.

— А сможете? — все-таки усомнился староста. — Их намного больше, как мне сказывали.

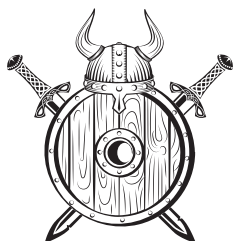
— Мы будем драться.

Староста покивал, отпил предложенного пива, а потом сам перешел к вопросу, ради которого я его и позвал:

— Мы с тобой, ярл. Чем можем помочь?

— Ты говоришь только от своей родни или от всех кирьяльских родов? — уточнил я.

— Я говорю голосом всех кирьялов ближних вод! — торжественно произнес староста. — Чем мы можем помочь? Скажи, ярл, и мы все сделаем!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бей и беги!

— Сильные воины, — отметил Оспак, разглядывая свейский лагерь. — И много.

— Много — это хорошо, — отозвался Вихорёк. — Проще цели выбирать.

— Помолчите оба, — велел Гуннар.

Он думал.

Свеев они обнаружили незадолго до темноты. Ну как обнаружили... Те особо не прятались. Разбили лагерь, разожгли костры. Приняли, конечно, меры, чтоб дым рассеивался, а не поднимался над деревьями, однако двести человек не спрячешь. Видно и слышно издалека.

И стражу swei держали не очень старательно. Гуннар заметил троих внизу и двоих — в секретях — на деревьях. Последних — потому что внизу на снегу остались следы, которые никто не потрудился как следует замести.

Пусть сидят. Гуннар и не собирался ничего делать, пока светло. Сейчас главное понять, что, кто и где. Вот эти сани в центре наверняка с провизией, поскольку к ним наведываются те, кто куховарит. А вот на этих, упакованных особенно тщательно, скорее всего, оружие. А этот шатер посреди лагеря, надо думать, принадлежит старшему. Ярлу небось. Обычный вождь не стал бы тащить с собой этакий

шатрище. Вернее, заставляя своих людей его тащить, поскольку ни лошадей, ни собак, ни оленей что-то не видно, а любитель уюта вряд ли тащит шатер сам.

Гуннар мрачно ухмыльнулся. Он не любил родовитых. Спесивых, надменных, полагающих, что они по праву рождения могут поплевывать сверху на таких, как он, Гуннар.

Хотя как знать, если ярлу не изменит удача, то и Гуннаровы сыновья тоже будут расти в холе. А уж он, Гуннар, постарается, чтобы они поняли, что настоящее богатство и славу берут мечом, а не по праву рождения.

— Расстояние хорошее, выцелишь? — спросил норег у Вихорька.

— Для меня и Тулба — да, а Комару и Сороке — лучше поближе. У них луки слабее, — добавил он, чтоб не подумали, что он хочет обидеть весян.

— А вот оттуда? — Гуннар показал на засыпанные снегом кусты шагов на полсотни ближе к лагерю.

— Оттуда хорошо, — согласился Вихорёк. — Ночью, да?

— Соображаешь, — одобрил Гуннар. — Оспак, что скажешь?

— Хорошо бы сани поджечь, Гагара, — сказал дан. — У них там бочонок с жиром вроде. Я бы взялся. Если вот с той стороны, то можно тихо зайти. Я бы взялся запалить, если они костры на ночь не потушат.

— Вдвоем сделаем. — Гуннару мысль понравилась. — Расспросим кирьялов, что тут вокруг и куда бежать, если что. Снегопада не ожидается, так что проследить нас — как яйца почесать. А потом пожрем и спать. До срока.

— А эти не учуют? — озаботился Оспак.

— Разве что ты захочешь горячего, — усмехнулся Гуннар.

Впервые с начала этого похода у него было хорошее настроение. Не думал он, что свеи окажутся такими беспечными. Понятно, что против них здесь равной силы нет, но все же не к родне на хутор идут — воевать. И что это значит?

Гуннар был далеко не дурак. Дураки не выживают там, где он выжил. А еще у него был изрядный опыт. Побольше, чем у того же Оспака, за которого все время решал кто-то другой. И этот опыт подсказывал норегу: раз свеи идут, как охотники по тюленьему лежбищу, то не знают, на что способен Ульф-ярл и его люди. И они заплатят за свою наглость.

Снег — это хорошо. Гуннар любил снег. Он родился зимой. И снег был первым, что он увидел, когда родился. Правда, сам он этого не помнил. Но и его первым воспоминанием тоже был снег. Какой он мягкий и как приятно щиплет ладошку.

Гуннар оглянулся. Для этого ему пришлось немного привстать.

Белый, время от времени смещающийся бугор позади — укрытый накидкой Оспак. Он ползет по снегу совсем неплохо для дана.

Немного в стороне и подальше — Виги. Дерзкий мальчишка. Гуннар ухмыльнулся. Виги ему нравился. Он всем хускарлам по нраву. Это ж какую удачу иметь надо, чтобы трелю-пастушку сыном ярла стать! И в бою такой счастливчик лишним не будет точно. И надежный он. Из тех, что один на пятерых бросится, чтобы друга защитить. Даже такого старого зверюгу, как он, Гуннар. Нет, хорошо, что ярл доверил ему своего сына. Да еще такого, которому и сам Гуннар может довериться.

А вот лесовики... Все, на что можно надеяться, — что не побегут раньше времени. Для этого с ними Сёльви Краденая Лепёшка. Вот не повезло молодому с прозвищем. Теперь придется показать себя героем, чтобы заполучить новое, получше.

Но Сёльви храбр, он настоящий дренг. Так что за весьянами приглядит. Сбежать не даст и прикроет, если понадобится.

Четвертого стрелка, Тулба, Гуннар со своего места не видел. Но в нем норег тоже не сомневается. Тулб, как и сам Гуннар, рожден для войны, а не для мира.

Норег осторожно двинулся дальше. Ползти по снегу легко. Он мог бы намного быстрее. Но нельзя. Дозорные свеев расположились толково, в тени, спинами к костру. Могут заметить движение. Поэтому двигались плавно, неторопливо, каждое движение — отдельно. Так рысь подкрадывается к добыче. Чтобы достать и убить наверняка.

Однако Гуннару с Оспаком убивать дозорных самим не понадобится. Как только норег окажется в одном броске от цели, Вихорёк выстрелит. И Тулб, который укрылся с другой стороны лагеря, выстрелит тоже. В своего дозорного.

А потом они покажут свеям, чем война отличается от охоты на тюленей.

Гуннар все очень хорошо продумал.

И убедился, что его бойцы знают, что им делать.

Если все пойдет как задумано.

Но поскольку в бою редко все получается как задумано, то и на этот случай Гуннар подробно растолковал бойцам, что делать каждому, если что-то пойдет не так.

Гуннар знал, как огорчается ярл, если кто-то из своих отправляется в Валхаллу, а норег огорчать ярла не будет.

Постарается привести обратно всех, даже пугливых лесовиков.

Впрочем, страх — тоже неплохо. Тем более эти трое пока что не настоящие воины. Без опаски пропадут. Однако убивать они уже умеют. Поэтому все, что требуется от Гуннара, — это придумать для них подходящее место в предстоящей схватке. Такое, чтобы они могли убивать, а их — нет.

Гуннар слышал, как сзади передвигается дан. Гуннар знал, как и кого слушать. Дозорные не слышали ничего. И один из них, тот, что поближе, кажется, дремал.

Нет, зима — это хорошо. Холод усыпляет. Так сладко спать на постели из лапника, завернувшись в меховое одеяло и повернувшись так, чтобы тепло костра грело лицо. А вот вскочить по тревоге за пару ударов сердца зимой намного труднее, чем летом. Практически невозможно.

Звук попавшей в цель стрелы будто подбросил Гуннара. Белая накидка упала на снег (норег запомнил, куда именно), а сам он стремглав бросился к шатру и сильным толчком, с разбега, опрокинул его.

Внутри заорали, задргались, пытаясь выбраться из-под тяжелой ткани. Гуннар ударил мечом туда, где ворочалось живое. Ударил дважды, наугад, потом бросился на свеев, которые спали снаружи, и зарубил еще двоих. Затем подхватил чей-то щит, зачерпнул им углей из костра, подбежал к ближайшим саням, разрубил укрывающую их ткань и щедро сыпанул углей в нутро. А остатки метнул в лицо подскочившего свея. Тот отшатнулся и заорал. Второго свея, вознамерившегося убить Гуннара, зарубил возникший у свея за спиной Оспак. Следующим движением дан метнул кувшин. Туда, куда Гуннар отправил угли.

— Масло! — крикнул он радостно.

Вокруг саней, которые поджег Оспак, суетились свеи, пытаясь сбить пламя. Вот только вряд ли это у них получится. Огонь уже набрал силу. Вот-вот перекинется на вторые сани. Гуннар увидел, как свей, попытавшийся их отволочь, упал со стрелой в спине. А потом еще один получил стрелу в голову и рухнул прямо в огонь.

— Бежим! — крикнул Гуннар и бросился наутек, попутно подрубив ногу еще одному свею и вырвав у него из рук щит. Щит норег тут же забросил на спину, левой рукой, на бегу, подхватил сброшенную перед атакой накидку.

Быстрее, быстрее...

Гуннар слышал, как позади, понемногу отставая, топочет Оспак.

Гуннару было немного стыдно, что его радует то, что Оспак отстает и что дан такой большой. Когда в них начнут метать копья, первые достанутся дану.

Гуннар хорошо относился к Оспаку, но к себе самому он относился еще лучше. Ему нельзя умирать раньше, чем он увидит своего новорожденного сына. Гуннар был последним в роду и очень надеялся, что сына он увидит.

Копья полетели в них, когда норег уже добежал до чащи, обернулся и разом оценил происходящее.

Оспак отстал ненамного, шагов на тридцать. Десятка полтора свеев, бросившихся за ними в погоню, были примерно на таком же расстоянии от Оспака. Кое-кто из них уже метнул копья, но они поторопились, и ни одно не попало в цель. Самые прыткие из свеев бежали явно быстрее Оспака, хотя тот спешил изо всех сил.

Ну да, дан слишком тяжел, чтобы быстро бегать. К тому же он в броне и с оружием, а свеи мчались налегке, без брони. Вдобавок двое из них бежали по уже утопанному Гуннараром и даном снегу.

А в свейском лагере все обстояло как нельзя лучше. Подоженные сани пылали двумя веселыми кострами. Потушить их уже не пытались. Там по-прежнему царил беспорядок. Никто не пытался организовать правильную погоню. Кроме тех, кто сейчас преследовал Оспака.

Но догнать дана свеям было не суждено. Гуннар тщательно все продумал и знал, куда посадить весян.

— Бей! — закричал Гуннар, перекрывая шум и вопли, доносившиеся из лагеря, и азартные крики гнавшихся за ними свеев.

Как верно заметил Виги, луки у весян были послабее, чем у них с Тулбом. Но, по меркам Севера, это были очень хорошие луки. И с пятидесяти шагов посланные ими стрелы разили неплохо. Самых прытких свеев уложило одним залпом. Второй, направленный на тех, кто подальше, был не так удачен, а остальные стрелы и вовсе пропали впустую, потому что свеи показали себя хорошими воинами, в считанные мгновения собрав строй и развернув его в нужную сторону — туда, где укрылись весяне.

Дальше эти свеи не сунутся. Сразу. Они сообразили, что в лесу могут прятаться и другие враги. Гуннар хорошо их понимал, поскольку на их месте тоже опасался бы засады, которую норег непременно бы устроил, будь у него больше людей.

Но тогда бы весяне не начали стрелять, останавливая погоню. Тогда бы он подождал еще немного, пока охваченные азартом свеи окажутся как можно ближе к лесу и дальше от возможной подмоги, а потом ударил бы внезапно и убил их всех.

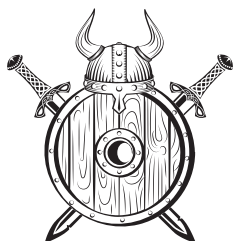
Но для отряда из восьми бойцов они и так потрудились на славу. Хотелось бы, конечно, узнать, удалось ли завалить любящего удобства свейского вождя.

И норег узнает. Со временем. А пока — все по плану.

Тяжело дышащий Оспак уже пристраивал к ногам лыжи. Гуннар последовал его примеру, потом накинул на плечи и голову накидку, завязал шнурок...

И они затерялись в ночном лесу. Сёльви Лепёшка и весяне ушли, лишь немного их опередив. В том, что Виги и Тулб тоже ушли, Гуннар не сомневался. Этой ночью удача определенно была с ними.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Огонь и железо

У меня было мало воинов, зато целая прорва ополченцев. И я их задействовал в полной мере. Одни занимались доставкой припасов в крепость, другие старательно превращали склоны в ледяной каток. Третьи...

Для третьих у меня было особенное задание. Но сначала надо опробовать мою оборонительную идею.

— Ха!

Деревянная колода, еще недавно заполненная медом, взмыла вверх и, описав красивую дугу, треснулась оземь, разбрызгав в разные стороны растопленный жир.

Мастер метания тяжестей Стюрмир, как всегда, оказался на высоте. Куда целил, туда и попал.

И тут же вслед за деревянной колодой ушли три горящие стрелы, посланные кирьяльскими охотниками. Одна — мимо, зато две другие упали на орошенный жиром лед. Загорелся, однако. Не бензин, конечно, но худо бедно занялось.

— Ха!

И Вифиль показал, что он тоже умеет швырять предметы. Вторая отметка, располагавшаяся, правда, метров на десять поближе, была поражена. Подожженные от факела стрелы ушли в цель, и на льду образовалась еще одна коптящая огненная лужа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Замковый остров. Свеи идут!.....	3
Глава вторая, в которой становится понятно, что расклад не просто хреновый, а намного хуже	8
Глава третья. Бей и беги!.....	17
Глава четвертая. Огонь и железо	25
Глава пятая. Отрезаны	36
Глава шестая. На живца.....	42
Глава седьмая. Штурм.....	58
Глава восьмая. Кошмар, ставший реальностью.....	66
Глава девятая. Pater noster, qui es in caelis.....	72
Глава десятая, в которой Ульф-ярл готовит сложную тактическую операцию	76
Глава одиннадцатая. Смерть во тьме.....	83
Глава двенадцатая. Смерть во тьме (продолжение).....	89
Глава тринадцатая, в которой Ульф переоценил собственные силы	96
Глава четырнадцатая. Зимние развлечения	105

Глава пятнадцатая. Нежданные гости, правила выплаты верегельда и сила поэтического слова.....	110
Глава шестнадцатая. Состязание.....	125
Глава семнадцатая, в которой решается вопрос повышения обороноспособности «королевской горки».....	133
Глава восемнадцатая. Дела ополченческие.....	141
Глава девятнадцатая. Ладога, Гостомysl и превратности геополитики.....	150
Глава двадцатая. Дела торговые и прочие.....	161
Глава двадцать первая. Дела торговые и прочие (продолжение).....	175
Глава двадцать вторая. Три дня спустя. Крученая дорога и еще более заковыристые сны...	183
Глава двадцать третья, в которой Ульф заглядывает в прошлое и находит искомое.....	192
Глава двадцать четвертая. Самое ценное.....	202
Глава двадцать пятая, в которой Ульф в очередной раз жалеет о своем неуместном человеколюбии.....	207
Глава двадцать шестая. Обширные планы князя Водимира.....	213
Глава двадцать седьмая. Удача как аргумент.....	219
Глава двадцать восьмая. Когда кошка становится мышкой.....	224
Глава двадцать девятая. «Если он сдохнет раньше восхода...».....	229

Глава тридцатая, в которой сначала все идет по плану, а потом — нет.....	233
Глава тридцать первая. Пир и праздники, нынешние и грядущие.....	243
Глава тридцать вторая, в которой есть зимняя дорога, приятные встречи, не менее приятные проводы, новое войско, старые друзья и никакой войны, что особенно приятно.....	252
Глава тридцать третья, в которой Ульф получает предсвадебный инструктаж и серьезный повод для беспокойства.....	257
Глава тридцать четвертая. Волчья свадьба.....	261
Глава тридцать пятая. Перун!.....	272
Глава тридцать шестая, в которой Рюрик, Трувор и Ульф образуют тройственный союз во имя мести, корысти и великих свершений.....	277
Глава тридцать седьмая, в которой нарушаются обещания и делаются неожиданные предложения.....	281
Глава тридцать восьмая. Зимняя дорога.....	287
Глава тридцать девятая. Зеленые начинают и выигрывают.....	293
Глава сороковая, в которой Ульф на себе познает ужас священной ярости.....	300
Глава сорок первая. Как сломать викинга.....	309
Глава сорок вторая. «Мы, варяги...».....	316
Глава сорок третья. Три месяца спустя.....	320

Глава сорок четвертая. Снова вместе.....	324
Глава сорок пятая, в которой Ульф получает действительно уникальные дары.....	330
Глава сорок шестая. Неудачный день.....	341
Глава сорок седьмая. Два месяца спустя. Велик и грозен град Смоленск.....	348
Глава сорок восьмая. Праздник, праздник!.....	360
Глава сорок девятая. Дипломатия князя Рюрика в действии	373
Глава пятидесятая. Остров Сёлунд. Дома!.....	388
Глава пятьдесят первая. «Я требую суда Рагнара-конунга!».....	392
Глава пятьдесят вторая. «Ты заплатишь мне железом!».....	408